

Б. А. УСПЕНСКИЙ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 63.3(2)4-3в6
У 77

Успенский Б. А.

У 77 Историко-филологические очерки. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 176 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

ISSN 1727-1649
ISBN 5-9551-0044-X

Книга представляет собой сборник статей, посвященных истории русской культуры. Одни очерки посвящены русской литературе, другие — русской истории, но все они так или иначе находятся на стыке истории и филологии. Почти все статьи сборника были предварительно опубликованы в зарубежных изданиях; в России они не публиковались. Некоторые статьи выходят в существенно переработанном виде.

ББК 63.3(2)

*В оформлении обложки использованы
яниформная герма с портретами Геродота и Фукидида
и картина Дж. Крести «Книжные полки» (1725 г.)*

Борис Андреевич Успенский

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор М. Н. Григорян

Подписано в печать 28.09.2004. Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. п. л. 3,36. Тираж 1000. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0044-X

© Б. А. Успенский, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>От автора</i> | 7 |
| Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) | 9 |
| Пушкин и Толстой: тема Кавказа | 29 |
| Время в гоголевском «Носе» («Нос» глазами этнографа) ... | 4; |
| Когда был канонизирован князь Владимир Святославич? | 89 |
| Николай I и польский язык (Языковая политика Российской империи в отношении Царства Польского: вопросы графики и орфографии) | 123 |
| <i>Приложение.</i> «О предположениях заменить в поль- ском языке латинский алфавит русской азбукою» ... | 156 |
| <i>Принятые сокращения</i> | 175 |
| <i>Библиографическая справка</i> | 176 |

ОТ АВТОРА

В книге собраны статьи последних лет. Разнообразные по своему содержанию, все они объединены русской тематикой: речь идет в них о русской истории или истории русской культуры. Собранные вместе, они могут служить дополнением к изданному ранее автором сборнику статей на ту же тему (см.: *Б. А. Успенский. Этюды о русской истории.* СПб.: «Азбука», 2002).

Разрядка в цитатах, равно как и текст, взятый в квадратные скобки, во всех случаях принадлежат автору книги (а не автору цитируемого текста).

ЕВРОПА КАК МЕТАФОРА И КАК МЕТОНИМИЯ (применительно к истории России)

К 300-летию Санкт-Петербурга

1. Очевидно, что Европа — понятие не столько географическое, сколько культурно-историческое и идеологическое. Мало кто знает, например, что с географической точки зрения центром Европы является Вильнюс, столица Литвы; с культурно-исторической точки зрения это скорее периферия Европы. Когда мы говорим о Европе, мы едва ли имеем в виду Турцию и Казахстан: вместе с тем, строго говоря, они могут считаться европейскими странами, поскольку определенная часть их территории принадлежит Европе.

2. Обратимся к России.

Принадлежит ли Россия Европе? С географической точки зрения этот вопрос предполагает, несомненно, положительный ответ. Правда, большая часть России относится к Азии, однако центральная — наиболее репрезентативная — ее часть находится в Европе (и в этом разница между Россией и Турцией, не говоря уже о Казахстане); исторически Россия представляет собой европейскую страну, которая распространила свои границы, выйдя за пределы Европы. Азиатская часть России относится к ее периферии и, собственно, не называется Россией. Жители Сибири могут сказать *поехать в Россию*, точно так же как жители окраины Москвы говорят *поехать в город*.

Равным образом с культурно-исторической точки зрения принадлежность России к Европе не вызывает ни-

какого сомнения: русская культура — несомненно, культура европейская, русская литература, музыка и изобразительное искусство представляют собой выдающиеся достижения европейской культурной традиции. Мы едва ли можем представить себе европейскую культуру без русской классической литературы и русской поэзии, без русского авангарда, русской симфонической музыки, русского балета и, наконец, русского театра и кино.

И, тем не менее, постоянно в нашем сознании присутствует вопрос: принадлежит ли Россия Европе? Этот вопрос поднимает Чаадаев в то время, когда, казалось бы, он менее всего актуален.

Почему же так? Откуда эти сомнения при кажущейся очевидности ответа на этот вопрос?

3. Распространение наименования, относящегося к некоторому культурно-историческому центру (т. е. представляющего определенную культурно-историческую традицию), может основываться вообще как на принципе метонимии, так и на принципе метафоры. Соответственно, как мы увидим, имя «Европа» может пониматься и как метонимия, и как метафора.

В первом случае речь идет о культурной экспансии, в результате которой имя, относящееся к центру, распространяется на периферию. Это естественный процесс.

В другом случае речь идет о культурной ориентации. Это искусственный процесс.

Вот два примера, иллюстрирующие оба случая.

Пример первый. В X в. Île de France, феодальный домен Гуго Капета, становится центром страны, которую мы называем Францией; так появляется имя «Франция» как название страны.

Пример второй. При освоении Нового и Новейшего Света (Америки, Австралии, Новой Зеландии) города и области очень часто называются так же, как европейские: мы видим отчетливое стремление перенести на новые области европейское культурное пространство.

Так, мы имеем здесь Новый Йорк (New York; первоначально он назывался Новым Амстердамом), Новую Англию, Новую Зеландию и т. п., а в дальнейшем мы встречаем в Америке такие названия, как Итака, Сиракузы, Санкт-Петербург и т. п. Том Сойер, знаменитый герой повести Марка Твена, жил в городке, который носил название столицы Российской империи (Санкт-Петербург); город с таким названием есть во Флориде, но город Тома Сойлера находится на берегах Миссисипи, — по-видимому, автор считал, что это типичное название американского города. Когда я попал в Америку, я познакомился — на крыше нью-йоркского Metropolitan Museum — с милой пожилой дамой, которая спросила меня, откуда я, и, узнав, что из Москвы, осведомилась, в каком это штате: она была уверена, что Москва — один из американских городов.

Очевидна разница между этими двумя случаями: в одном случае мы наблюдаем естественный процесс культурной экспансии, в другом — искусственный процесс культурной ориентации. В первом случае имеет место метонимия, в другом — метафора. В одном случае действуют силы центробежные (принцип метонимии), во втором — центростремительные (принцип метафоры).

Заметим, что в случае метафоры (метафорической топонимики, свидетельствующей о культурной ориентации) мы часто встречаем эпитет «Новый», ср.: Новый Йорк (New York), Новый Амстердам (Nieuw Amsterdam как старое название Нью-Йорка; Nouvelle Amsterdam как название острова в Индийском океане), Новый Орлеан (New Orleans), Новый Лондон (New London; в Соединенных Штатах есть несколько городов с таким именем), Новая Франция (Nouvelle France; так назывались французские земли в Канаде до 1763 г.), Новая Голландия (Nieuw Holland; так первоначально называлась Австралия), Новая Англия (New England), Новая Шотландия (Nova Scotia; провинция в Канаде) с городом Новый Глазго (New Glasgow), Новый Южный Уэльс

(New South Wales), Новая Зеландия (New Zealand), Новая Каледония (Nouvelle Calédonie), Новая Джорджия (New Georgia; остров в группе Соломоновых островов), Новая Гвинея (New Guinea или Nieuw Guinea), Новая Ирландия и Новая Британия (New Ireland, New Britain; острова в архипелаге Бисмарка; ранее они назывались, соответственно, Новым Мекленбургом и Новой Померанией: Neumecklenburg, Neupommern), Новая Испания (Nueva España; испанская колония около Мехико, основанная в 1522 г.), Новая Галисия (Nueva Galicia; область к востоку и северу от Мехико), Новая Гранада (Nueva Granada; испанская колония в Южной Америке, образованная в 1538 г.), Новая Сибирь (остров в архипелаге Новосибирские острова), Новый Брауншвейг (New Brunswick), Новый Джерси (New Jersey), Новый Гемпшир (New Hampshire), Новая Мексика (New Mexico), Новые Гебриды (New Hebrides) и т. д. Такого рода названия могут повторяться: так, «Новой Англией» называется с 1614 г. исторически сложившийся район в северо-восточной части Соединенных Штатов, но точно так же называлась территория на северном берегу Черного моря, отданная византийским императором Алексием своим английским телохранителям во второй половине XI в.; города на этой территории (Nova Anglia) повторяли названия английских городов: Лондон, Йорк и т. п.

Между тем в случае метонимии (метонимической топонимики, свидетельствующей о культурной экспансии) мы обычно встречаем эпитет «Большой» («Великий»). Например, имя Бостон, представляющее собой название города, может распространяться на пригороды, и мы говорим о Большом Бостоне (Greater Boston). Такого рода примеры широко представлены в топонимии. Так, название Бретани в результате колонизации распространилось на Англию, и отсюда объясняется название Великобритания, т. е. Великая Бретань (впоследствии это название было переосмыслено в связи с объединением Англии и Шотландии в 1707 г.). Точно так же южная Италия с изначально греческим населе-

нием традиционно называется «Великой Грецией» (*Magna Grecia*). В 1819–1830 гг. в ходе борьбы испанских колоний за независимость в Южной Америке была образована республика Великая Колумбия, центральную часть которой составляла собственно Колумбия.

То же имело место и в истории России: понятие Руси первоначально относилось к Киеву и землям вокруг Киева. Севернорусские земли изначально Русью не назывались; в дальнейшем они могли относиться к Великой Руси, подобно тому, например, как пригороды Москвы, не принадлежащие собственно к Москве, могут называться сегодня «Большой Москвой». Так, в византийском списке епархий (*Notitia episcopatum*) второй половины XII в. перечисляются епархии, относящиеся к митрополии τῆ μεγάλης Ῥωσίας, т. е. «великой Руси», и в их числе называются Новгород, Смоленск, Суздаль.

Отсюда название «великой Руси» (μεγάλη Ῥωσία) становится равнозначным названию «всей Руси» (πᾶσα Ῥωσία), которое входило в титул киевского митрополита, управляющего всеми русскими территориями (по крайней мере со второй половины XII в. он именуется «Киевским и всея Руси»). Противопоставление «Руси» и «Великой Руси» при этом не является взаимоисключающим, однако «Русь» выделяется из «Великой Руси» как маркированная часть ее территории. На этом этапе понятие «Руси» имеет двойное значение: название «Русь», с одной стороны, соотносится с киевской землей, с другой же стороны, выступает как общее понятие. Семантически (по объему понятия) «Русь» включает в себя «Великую Русь», при том что физически (по охвату территории) соотношение оказывается обратным.

В дальнейшем — после перенесения митрополии из Киева во Владимир в 1299 г. — понятие «Великая Русь» начинает означать не «всю Русь», но то, что не относится к «Руси» как таковой, т. е. прежде всего севернорусские территории. Поскольку понятие «Великая Русь» начинает ассоциироваться с северными территориями

и поскольку территории эти приобретают все большее значение, то, что ранее называлось «Русью», начинает именоваться «Малой Русью». Так появляется название «Малая Русь» («Малороссия») — оно явно образуется по контрасту с «Великой Русью», и это свидетельствует о том, что принимается именно перспектива «Великой Руси». В итоге оппозиция «Руси» и «Великой Руси» превращается в противопоставление «Малой Руси» и «Великой Руси». Украинцы воспринимают название «Малороссия» как обидное (уничижительное) и предпочитают название «Украина», хотя оно, в сущности, означает то же самое: «Украина» означает окраину, периферию, противопоставленную центру. Как в названии «Малая Русь», так и в названии «Украина», прослеживается одна и та же идея: идея периферии; в обоих случаях это означаетмену центра и периферии: центр (то, что называлось некогда «Русью») стал периферией («Малой Русью» или окраиной — «Украиной»), а периферия — центром.

В результате понятие «Русь» становится общим понятием не только по отношению к Великой Руси, но и по отношению к Малой Руси. В этих условиях, например, о Суздале можно сказать и то, что это «Русь», и то, что это «Великая Русь» (но нельзя сказать, что это «Малая Русь»); равным образом о Чернигове можно сказать и то, что это «Русь», и то, что это «Малая Русь» (но нельзя сказать, что это «Великая Русь»). Таким образом, понятия «Русь» и «Великая Русь», с одной стороны, «Русь» и «Малая Русь», с другой, не исключают друг друга (они противопоставляются как общее и частное понятия), при том что понятия «Великая Русь» и «Малая Русь» оказываются взаимоисключающими. Иначе говоря: все, что можно назвать «Великой Русью», можно назвать и просто «Русью», однако обратное неверно; все, что можно назвать «Малой Русью», можно назвать и просто «Русью», но обратное неверно.

Заметим, что в то время как в киевской перспективе Русь, включающая в себя северные земли, именовалась

«Великой Русью», в скандинавской перспективе Русь (как в собственном смысле, так и с прилегающими землями) могла называться «Великой Швецией» (Sviþjóð hinn mikla). В обоих случаях слово, обозначающее «великий», имеет одно и то же значение: значение периферии, относящейся к центру.

Топонимическая модель с названием «Великий», как правило, относится вообще к области колонизации, а не к метрополии. Например, Великобритания называется так относительно материковой Бретани, Великая Греция — относительно исторической Греции, Великая Колумбия — относительно исторической Колумбии, Великороссия — относительно Руси изначальной (которая лишь под воздействием своего коррелята становится Малороссией).

4. Итак, распространение названия (топонима) — усвоение традиционного термина, относящегося к некоторой первоначальной (исходной) территории, — может иметь характер либо метонимии либо метафоры. Когда Англия называется Великобританией, перед нами метонимия. Когда город в Америке называется Новым Орлеаном или Новым Йорком, налицо метафора.

Когда мы употребляем эпитет «Великий» (например, когда мы говорим Великая Россия или Великобритания), подразумевается, что имело место — по крайней мере изначальное) отождествление некоторой периферийной территории с историческим центром.

Когда же мы употребляем эпитет «Новый» (например, Новая Зеландия и т. п.) речь идет не об отождествлении, а об уподоблении (которое вообще, по Аристотелю, лежит в основе метафоры). Но уподобление предполагает изначальное противопоставление сопоставляемых явлений: мы можем уподоблять друг другу лишь то, что признается разным.

Поэтому, когда мы определяем что-то (в частности, какое-то место) как «новое», оказывается естественным охарактеризовать соотнесенное (противопоставляемое)

понятие как «старое». Так после открытия «Нового Света» (Америки), Европа начинает называться «Старым Светом». Совершенно аналогично после появления «Нового Завета» еврейская Библия понимается как «Ветхий Завет»; после Французской революции предшествующий порядок получает название «Старого режима» (*Ancien Régime*); после введения григорианского календаря, который определяется как «новый стиль», юлианский календарь именуется «старым стилем», и т. п.

Напротив, когда мы определяем нечто как «великое», мы обычно не определяем противоположное понятие как «малое». (Исключение представляет название «Малороссия», но это особый случай, который объясняется меной центра и периферии на русской территории, см. выше.)

В случае метонимического наименования встает проблема центра и периферии, в случае наименования метафорического — проблема нового и старого: вообще метонимия основывается на отношениях в пространстве, тогда как метафора предполагает отношения во времени. В отличие от отношения центра и периферии, отношения нового и старого строятся на отрицании и в принципе имеют характер взаимоисключающей оппозиции: здесь всегда предполагается противостояние. Когда Константин Великий в 330 г. основывает новую — христианскую — столицу Римской империи, которая получает название «Нового Рима» (одновременно она называется Константинополем), Новый Рим оказывается противопоставленным Старому Риму как христианский город — языческому (а впоследствии как православный город — католическому). То же самое происходит после Флорентийской унии 1438 г. и последующего падения Константинополя в 1453 г. (которое воспринималось православными как следствие унии с католиками — как наказание греков за измену православию), когда на Руси формируется представление о Москве как Третьем Риме или Новом Константинополе. Москва как Новый Рим и Новый Константино-

поль противопоставляется как первому (ветхому) Риму, так и первому Константинополю (второму Риму) как город, сохранивший православную традицию, — городам, ее утратившим. В обоих случаях перед нами метафора, и это отчетливо проявляется в эпитете «новый». И в обоих случаях четко обозначается взаимоисключающее противопоставление, характерное именно для метафорической номинации.

5. Остается заметить, что само наименование Европы представляет собой не что иное, как метонимию: ведь Европой первоначально называлась Греция, причем континентальная Греция (в отличие от «Азии», т. е. островов Эгейского моря и Ионического побережья Малой Азии). Потом постепенно это название распространяется на другие земли — сначала соседние, потом соседние с соседними и т. п. — по принципу метонимического обозначения. Первые ионийские географы, такие как Анаксимандр, называли «Европой» территорию к северу от Средиземного моря, тогда как область к югу от него называлась «Азией». Таким образом, противопоставление Европы и Азии первоначально шло не по линии Запад — Восток, а по линии Север — Юг.

6. Возвращаясь к России, можно сказать: Россия может считаться Европой не как метонимия, а как метафора. Речь идет не об экспансии Европы как исторического культурного (цивилизационного) центра на прилегающие территории, а о сознательной ориентации на Европу, т. е. о процессе, имеющем искусственный характер. Иначе говоря, речь идет не о центробежном, а о центростремительном процессе.

Если бы речь шла о последовательной экспансии, Россия могла бы быть определена как В е л и к а я Европа, т. е. область на периферии Европы, на которую постепенно распространяется европейская культурная модель. Это был бы процесс постепенной и последовательной эволюции, и он был вполне возможен (напом-